

УНИВЕРСИТЕТ: ПОЛЕ ДИАЛОГОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ*

Вначале несколько предварительных замечаний.

Поле моих исследований – онтология. Онтология пытается ответить на четыре вопроса: *есть* ли нечто, *что* оно есть, как оно есть и как выглядит. Я бы сказал, что существует четыре группы проблем онтологии: присутствия *нечто*, его устойчивости, выражения и выразительности.

Объект сообщения – Университет. Университет не является лишь институцией, где передается и усваивается некий готовый корпус знаний о мире. Он стоит там, где мир выходит из потаенного, и вот здесь – где он своим происхождением дает о себе знать – есть место Университета. Когда мы говорим «дает о себе знать», то имеется в виду тройкое: (1) мир в своем исходящем простирации озачивает, (2) как озачивающий, он волит спешествовать его исходу – проявить заботу о нем, (3) и то, и другое.

В данном случае мы идем по следу Платона, который отмечает, что *нечто* обнаруживается η *φύσις* η *τέχνη* η *ἀφ' οὐρανόθεν* [Государство, 381b, 1]. Это тройное η не следует передавать как простое «или». Им акцентируется внимание на том, как нечто есть и есть в своей устойчивости и выразительности, *потому что явлено* в своем дарственном виде, *является следствием τέχνη* и *благодаря* «тому и другому». Во-первых, этим η артикулируется путь выражения: *нечто* присутствует по ходу пути исхода. Во-вторых, им артикулируется размеренный ход пути. В-третьих – акцентируется «и то, и другое» (*ἀφ' οὐρανόθεν*), т.е. то, что путь исхода разомкнут и как размыкание идет выставление того, что потом стоит как присутствующее.

Поле разомкнутости, когда исходящее из потаенного дает о себе знать и где Университет имеет место, можно тематизировать как поле соотношения, или компетенции (лат. *competo*, «вместе домогаться, стремиться»; «встречаться»; «происходить»); и, таким образом, артикулировать его как поле динамического напряжения, где то, что домогается (выходит к своей непотаенности), домогается (обнаруживается как несокрытое). Чтобы подчеркнуть динамический, напряженный характер процесса соотношения, мы говорим о диалоговой компетенции.

По поводу значения слова «диалог» отметим:

Это слово древнегреческое. Приставка *δια*, означая факт и различия, и сродства, является метой *doublebind*. Также *δια* – это оккузатив имени «Зевс», т.е. этой приставкой указывают на то, что Нечто случается потому, что так повелел Зевс и все пронизано его волей. *Ди*, таким образом, – знак всепроникающей связи. Слово *λογος* еще более сложное. Гераклит, например, говорит, что «этот вот Логос вечный, вечно люди не понимают». Как мне представляется, принимая во внимание всю многосложность приставки *δια*, Логос Гераклита следует толковать как *δια-λογος*.

Также необходимо отметить: слово «диалог» не часто встречается уже в текстах Платона. Но композиция произведений Платона, как известно,

* У статті збережено авторський стиль.

диалогична. Однако это слово относительно часто употребляется в орфических гимнах, греческих трагедиях и имеет, скорее, ритуальное значение. Во-первых, имеет значение действия перехода из сферы сакральной в профанную. Во-вторых, это действие можно квалифицировать как вещание богов. В-третьих, диалог, как причастный богам, ведет обустройство мира как ладного, доступного, годного — понятного. Историография «философии диалога» огромна. Можно говорить о персоналистском измерении диалога во французской философии, неокантианском профиле диалога в немецкой, эстетике диалога М. Бахтина и онто-диа-логике культуры В. Библера и А. Ахутина.

Вернемся к первым словам изречения Гераклита: вечности Логоса и вечности его непониманию. Во фрагменте слово «вечно» употреблено один раз. И уже Аристотель не знал, с чем оно связано. Как мне представляется, слово «вечно» имеет отношение и к Логосу, и к его непониманию. Т.е., во-первых, Логос сродни бесконечному пути времени, который всем правит, и все пронизывает. И, во-вторых, как всепроникающий он размерен: и доступен, и не доступен — не всегда и не все понятно. Вот эта вот двойственность, которая помечена словом «вечно», и сосредотачивает, и заставляет сосредоточиться. Фактически мы приговорены испытывать непонимание и только как пребывающие в пути и по ходу его размеренного следования понимание чего-либо доставляется.

Итак, в своем фактически тезисном сообщении мы будем говорить об Университете, который учреждается в поле диалоговой компетенции, т.е. там и так, где и когда исходящее из потаенного дает о себе знать как ладное, доступное, годное — понятное.

1. В одной из своих книг Стивен Хокинг, всемирно известный физик и космолог, заметил, что глубина специализации современной науки достигла такого уровня, что исследователи, даже работающие в одном направлении, испытывают проблемы с пониманием и сомневаются в компетенции друг друга. Вполне возможно, что дело не только в специализации. Получив некий результат, мы начинаем культивировать этот абстракт: тиражировать его и распространять. Путь, в котором подвижное естество мира связывается, сгущается, уплотняется, т.е. путь материальный, конкретный (если вспомнить значение латинского слова *concretio*), перестает удивлять и занимать. Вероятно, непонимание, о котором говорит Хокинг, является следствием нейтрализации, стирания пути и его перипетий. В этой нейтрализованной среде знание превращается в абстракт: предстает лишь набором готовых конструкций.

Однако сегодня именно физики демонстрируют пример не только результативной, но и слаженной работы. В экспериментах на Большом адронном коллайдере принимают участие тысячи исследователей из сотни стран мира. Эти эксперименты успешны, т.е. получается полезный результат. Как в таком случае разрешается проблема компетенции?

2. Можно сказать, что для разрешения этой проблемы используют универсальный язык математики. Это так! Но что гарантирует универсальность самой математики? Можно также сказать, что английский является

неким обиходным языком научного сообщества и способствует пониманию. И это так! Однако очевидно, что подобные языки не обеспечивают понимания и не свидетельствуют о компетенции, но, скорее, сами являются результатами, т.е. такими идеальными, искусственными формами, которые случаются по ходу понимания.

Мы употребили слово «случается», чтобы обратить внимание на понимание как Событие. Может быть наиболее ярким выражением того, что случилось из ряда вон выходящее, является строка из *Гамлета*: «The time is out of joint». Существует несколько переводов этой фразы, и я думаю, что все они верны. Но все они, некоторым образом, *out of joint*. Иначе, вероятно, и быть не может. Ведь речь идет о сдвиге как особом и обособленном просторе. До него — *слова, слова, слова*; после — *молчание*. Но сам сдвиг все в себя вмещает и выкладывание ведет. Очевидно, что после того, как выкладывание было завершено, остается только молчать. Но *как* оно идет? Собственно в этом *как* сокрыта тайна понимания.

Шекспир обособляет сдвиг так, что играет и разыгрывает его, устраивая постановку *Мышеловки*. Вот эта вот игровой характер сдвига выделяет событие не столько как вероятностное, но реальное. Вспомним слова А. Эйнштейна: «Бог не играет в кости». Так вот, мне представляется, что Бог действительно, не играет в кости. Бог просто играет. Играет и ребенок, царственное дитя, о чем ведают нам Гераклит.

Периоду полемики с Н. Бором А. Эйнштейну принадлежат и другие слова. В письме Дж. Франку он замечает: «Я еще могу представить, что Бог создал мир, в котором нет законов природы, короче говоря, что он создал хаос. Но чтобы статистические законы были окончательными, и Бог разыгрывал каждый случай в отдельности, — такая мысль мне крайне несимпатична».

Бог действительно «создал» хаос. Древнегреческое слово *хаос* представляет не только и не столько некую нетематизированную множественность, но свечение, которое все выкладывает. Хаос, каковым он представляется в творениях Гесиода, — это «зияющая разомкнутость». Размыкающий свет все выкладывает, и по мере выкладывания всему находится место. Хаос, таким образом, высвечивает между — поле перехода от нетематической множественности к множеству уже тематизированному. Вот здесь, т.е. на меже и как переход идет, случается то, что дар мира отдаривается произведением уже множества вещей, которые потом воспринимаются как населяющие этот мир. Т.е. вот здесь находится понимание.

Обратим внимание на некоторые параметры перехода, в котором Университету есть место.

3. Поле перехода мерится размеренным ходом следования, в котором и когда Мир, или *Universum*, обнаруживает себя и выставляется как очевидный. Фактически поле перехода стянуто двумя узлами: метрикой выкладывания мира и размеренным шествием выкладывания его как очевидного. Те, кто причастны этому пути и шагают, — исследователи. При этом их единит не желание быть вместе, не абстрактное человеколюбие, но само шествие в пути — путешествие, которое и титулуется как Университет.

Очевидно, что Университет не немое шествие в пути, но такое, когда глаголение по ходу мерного следования разметку ведет. Мы понимаем глаголение не как рассказ о мире и использование уже готовых имен, но как процесс произведение имени. В этой связи, глаголение – это действительное и действительное ведение дела, в и посредством которого Мир выражается и предстает в своей выразительной – очевидности. Так определяя глаголение, мы вспоминаем древнегреческое ἐρμηνεία – вещание, которое вещь исходит. И М. Хайдеггера, который, говоря о толковании, использует слово *Auslegung*, что значит также «выкладывание», «инкрустация», т.е. работа разметки, в и посредством которой мир предстает во множестве населяющих его вещей.

По ходу размечающего глаголения идет сговаривание и заключается клятвенный договора: *conjuratio*. Фактически *conjuratio* – это такое сговаривание (чаще тайное), в котором проговариваются и выговариваются права на место в пути выкладывания мира. Потом – фактом признания *conjugation*, словно приговором суда, подтверждается, что корпорации уже *de jure* владеет долей пути. Вспомним, что в 1209 году папа Иннокентий III отдельным декретом подтвердил право существования корпорации парижских магистров и, тем самым, заложил основу учреждения Парижского университета.

4. Итак, Университет – это не просто некое собрание людей, но глаголющее обнаружение и выставление мира как понятного. Университет – это событие понимания. Но понимание становится действительным и действенным, если в нем и им не только тиражируется и распространяется уже достигнутое, но мостится продолжение пути. Представляется, что если скопленными достижениями университетская корпорация только известна, то мощь и слава приходят к ней в пути, который расширяет горизонт дали и позволяет зорче видеть близь.

Собственно, университетская корпорация должна быть в состоянии приближать даль и отдалять близь, чтобы в этом приближении-отдалении извлекать *выкладки* мира.

Динамика приближения-отдаления не просто производна от воздействия далекого или близкого либо меры приближения или отдаления. Т.е. не просто задана различием порядков либо порядком различия, но такова, что находит себя в сдвиге порядков.

Мы уже говорили о сдвиге как событии. Попытаемся разглядеть эту своеобразную «точку». Даже не «точку», а аттрактор, который имеет, явно, странную конфигурацию.

Сдвиг можно распознать по наличию «связи» между характеристикой движущейся частицы, занимающей место в пространственно-временной континууме, и ее локальными характеристиками – пространственной и временной координатами. Таковая связь – это эффекта встречи. Во встрече нет еще победителей и побежденных, но есть высочайшая степень напряжения, которое меняет траекторию движения подвижного и представляет мир уже другим и новым. Красиво же сказано Гераклитом: «Солнце каждый раз новое».

Другой параметр сдвига помогает определить Ф. Рабле – мастер живописания игры и оборотов. Он рассказывает об острове Годос, где дороги хо-

дят. Вообще древнегреческое *обос* – это движение, путь, течение, направление. В древнегреческих текстах много слов, представляющих дорогу, колею, топтание. Вот и Мойры, богини участи – *Клото*, *Лакхесис* и *Атропос*, – также являют собой доли, участки, меры пути. Веретено Ананке сплетает участки, и так выплетается дорога жизни. Событие сдвига, таким образом, – это поле оборота, где и когда сплетение идет.

Еще один параметр сдвига может выдать его «изображение». Одна сторона «картины» – шаг, другая – прошедший, ступающий и наступающий шаги топчут дорогу. Стороны размежеваны, и линия меж связывает их. Связывание идет как отсылание от одной к другой, как восполнение одной другой, как определение одной через другую. Отсылка, восполнение и взаимопределение каждый раз сдвигают ход и, тем самым, гарантируют продолжение следования. Шествие в пути фактически пронизывается сдвигом и длится дискретно – как сдвижение.

В этой связи греческое слово *μεταβολη*, через которое Аристотель определяет время, можно растолковать не просто как «изменение», но как «сдвижение». И понимать время как ход сдвига. Профиль хода можно представить так: Время течет как сдвижение, и в сдвиге случается встреча, которая идет как оборачивание, и подвижное связывается, сгущается, уплотняется, и мир, в конечном итоге, предстает как населенный вещами, которые потом доступны и годны.

5. Встреча, сплетающее верчение, сдвижение – это то, что определяет поле диалоговой компетенции.

Диалог как встреча-оборот-сдвиг – не коммуникация. Коммуникация – не сдвигает, но только воспроизводит уже существующий *communis* и является средством потребления искусственных форм. Диалог же – это фактическое как встречи-оборота-сдвига, где и когда случаются понимание, и, следовательно, коллеж и коллеги.

Одним из синонимов древнегреческого слова «диалог» является *λαλια*, беседа многословная, спор – игра, некоторым образом; «языковая игра». Может быть, поэтому Сократ призывал не бояться говорить, но вести беседу, подчиняясь правлению Логоса. Логоса, который, как говорил и Парменид, есть рассуживающим. Именно рассуживание, но не суждение, все пронизывает и все решает. Такой логос – суть *δια-λογος*.

Приставка *δια* – это *мета* рассуживания, всепронизания, решения. Это *μεταΦωσις*’а, т.е. свет, который мерцает: в меру возгорается и выкладывает; в меру угасает и скрывает.

Обычно слово *φωσις* переводят как «природа». Поэтому мы не очень согрешим, если в заключении своего сообщения процитируем слова двух великих немцев: физика и поэта, Роберта Майера и Фридриха Гельдерлина: «Природа в ее простой истине является более великой и прекрасной, чем любое создание человеческих рук, чем все иллюзии сотворенного духа».

«О Природа! Той порою ясной
В мирном свете прелести твоей
Возросли плоды любви прекрасной,
Как аркадских урожай полей».